

«ЧЕЛОВЕК СО СТОРОНЫ»

Мусаибу Аюбову недалеко ходить от дома до работы. Минут пять—семь, и на месте. Никто никогда не замечал, чтобы Мусаиб приходил в бригадный вагончик хотя бы с минутным опозданием. Но в последнее время он вдруг стал задерживаться.

А причина была в том, что путь на работу теперь пролегал мимо детского садика, который еще недавно строила его бригада. Как ни старался Мусаиб пройти незаметно, его обязательно останавливали. Сначала знакомые, а потом и совсем незнакомые люди. Как правило, они держали за руки детишек, которых вели перед работой в садик.

Мусаиб пробовал выходить из дому пораньше. Но опять его узнавали и благодарили. От родителей детишек некуда было деться. И каждый хотел лично пожать бригадиру руку. Потому что детсад этот планировалось построить только в 1982 году, а бригада Мусаиба Аюбова сдала его в самом начале 81-го.

В те же самые дни нечто подобное происходило с другим бригадиром, товарищем Мусаиба, Анатолием Гусевым. Знакомые и незнакомые люди тоже напористо благодарили его — за досрочную сдачу девятиэтажного 72-квартирного дома. И поздравляли с присвоением высокого звания Героя.

Тем, кто подъезжает к Тынде на поезде, открывается такая панорама. За неширокой речкой взмывают ввысь крутые сопки с прозеленью никогда не увядающих сосняков. По ним ступенями поднимаются белокаменные дома. У подножия сопок они расступаются, разбегаются вширь, образуя уже наметившийся проспект. Все это построено руками Анатолия Гусева и его бригады.

Менее заметны здания бригады Мусаиба Аюбова. Но без них не было бы стройного, законченного ансамбля — не было бы того уюта, житейского удобства и комфорта, без которых не может обойтись ни один современный город. Мусаиб и его товарищи построили в новых микрорайонах Тынды все детские сады и школы...

Есть в Дагестане маленькое горное село Чах-Чах, в котором живет гордый народ лезгины. Уважают в этом селе старого колхозника Велимагомед Аюбова —

за честность и прямоту, бескорыстность и преданность родному колхозу. Велимагомед не терпит равнодушных, сам в работе горяч.

Пять сынов родилось в семье Аюбовых, и каждого сызмальства стал приучать Велимагомед к работе.

— Делаешь стол — с душой делай, — говорил он старшим Аюбу и Гамдулаху. — Чтобы люди радовались вашей работе.

Эти строгие требования отца впитывал вместе со старшими и средний брат — Мусаиб. Приобретал умение, сноровку, ловкость в работе. Когда пришло время идти в армию, он был отличным плотником. А вернувшись домой со службы, сказал отцу:

— Хочу работать на большой стройке.

— Очень хочешь? — спросил Велимагомед.

— Да.

— Тогда поезжай в Махачкалу. Найдешь хорошее дело. Стань мастером! Пусть слава о тебе вперед тебя придет в наш горный Чах-Чах.

Вся семья, многие соседи провожали Мусаиба в город. Давали напутствия в духе древних традиций своего народа. Мусаиб обещал не подвести земляков.

В Махачкале его приняли в плотницкую бригаду, строившую для монтажных бригад «подсобные объекты». Дело это невесть какое важное и сложное, но Мусаиб, самый младший среди плотников, вдруг потребовал от товарищей:

— Делаешь сарай — делай с душой. — И, вспомнив слова отца, подытожил: — Надо, чтобы люди радовались твоей работе.

Нет, этот молодой джигит создан для серьезных дел. К такому выводу вскоре пришли руководители строительной организации. Мусаибу, двадцатидвухлетнему еще парню, дали крупную бригаду монтажников и поручили строить большую школу — на 1280 мест.

Слава и впрямь пришла в горный Чах-Чах вперед Мусаиба. Однажды утром старый Велимагомед развернул газету и прочел в ней об успехах своего сына. Бригада Мусаиба Аюбова досрочно сдала в Махачкале красавицу-школу, — писала газета.

Это был 1974-й — год начала БАМа. Весть о грандиозной стройке заинтересовала Мусаиба. Вернувшись с работы, стал убеждать жену:

— Мы с тобой молодые, здоровые. Сын крепким мальчишкой растет... На БАМ едем?

На этом «агитация» и закончилась — дальше жену не надо было уговаривать. Поддержал сына и Велимагомед. Но когда в стройуправлении узнали о решении Мусаиба, отказали категорически. Только после вмешательства горкома комсомола отпустили. С комсомольской путевкой и приехал он в Тынду, вернее в поселок Тындинский.

На окраинах только еще расчищали тайгу, ставили щитовые общежития и жилые вагончики. В горкоме комсомола ему рассказали, что на месте поселка скоро поднимется большой город.

— Вот город я и приехал строить, — сказал Мусаиб.

— Это хорошо, — одобрил секретарь горкома. — А то молодежь как сговорилась — все рвутся на трассу. Направим тебя в строительно-монтажный поезд № 567, он как раз поселком занимается.

Но оказалось, что СМП-567 будет не город строить, а развивать железнодорожный узел — в будущем, когда сюда придут рельсы. Пока же он возводил кое-какие производственные объекты. А капитальная застройка города еще не начиналась.

— Хорошо, — согласился Мусаиб, — пока поработаю, куда пошлете. Но с условием, когда начнут строить дома — перейду на них.

Бывших бригадиров в только что сформированном поезде было не так уж много, поэтому Мусаибу сразу предложили возглавить бригаду каменщиков. И дали важный для города объект — здание насосной станции на водозаборе. Потом другой, не менее важный — приемную телевизионную станцию «Орбита». И тот, и другой объекты бригада сдала раньше срока и получила за работу оценку «отлично». Уже на другой год после начала массового приезда строителей на БАМ в Тынде засветились голубые экраны. Это было большой победой — далекая таежная станция строителей как бы приблизилась к Москве...

Тем временем в городе шла подготовка к капитальной застройке. Создавалась производственная база, монтировался передвижной бетонный завод, готовились площадки под первые высотные дома. Приехали строители из Москвы. Выделенное из Главмосстроя специальное управление привезло с собой не только технику, оборудование, материалы, но и собственные кадры. Му-

саиба это огорчило: как же теперь быть ему, остаться в стороне от дела, о котором мечтал в Махачкале?

Все же пошел он в управление московских строителей, представился, сказал, что давно мечтает строить молодой город. Начальник управления сказал:

— Принеси трудовую книжку — поговорим.

Мусаиб принес. Начальник посмотрел — одни благодарности.

— Рядовым каменщиком в бригаду Гусева пойдешь? — спросил он. — Больше ничего пока предложить не могу.

Так Мусаиб стал рабочим управления Главмосстроя на БАМе. И познакомился с Анатолием Гусевым.

У них оказались схожие судьбы. Анатолий тоже родился в деревне, под Рязанью, в семье у Гусевых было девять детей. И ему рано пришлось приобщиться к труду, и он тоже мечтал стать строителем, и мечта сбылась — стал работать каменщиком в Москве. А когда начали формировать отряд для Тынды, он подал заявление одним из первых. Товарищи выбрали Гусева своим бригадиром.

Пока что москвичи работали топорами — строили деревянные жилые дома, контору, склады. Обустроивались. Но к приходу Аюбова настало время закладывать фундаменты под первые девятиэтажные дома. На фундаментах и начал обживаться Мусаиб в новом коллективе.

Порядки в бригаде он принял сразу — ему понравились строгость бригадира, требовательность к себе и товарищам, грамотный подход к делу. По душе пришлись деловитость, неугомность других членов бригады. В этот слаженный коллектив и сам Мусаиб вписался с ходу, пришелся ему по нраву. Все скоро увидели, что новичок умеет работать не хуже их.

Когда фундаменты были готовы, Гусев разбил бригаду на звенья: три звена стали работать на монтаже одного дома, три — на другом. Мусаиб стал звеньевым.

Монтировать этажи начали в январе, а к концу февраля, к открытию XXV съезда партии, решили полностью завершить сборку обоих зданий. Мусаибу вначале это показалось делом невыполнимым, по крайней мере, ему еще не приходилось видеть, чтобы дома строили такими темпами.

Случилось так, что Мусаиб с товарищами по звену работал на одном доме, а Гусев в то же время — на

соседнем. И звеньевой мог постоянно наблюдать за тем, как трудится бригадир. Анатолий работал четко — никто у него не терял ни одной минуты. Едва подъезжал панелевоз, как кран тут же поднимал панель, ее устанавливали на месте и вокруг начинали плясать огни электросварки. Так же стремился организовать работу и Мусаиб. Каждый вечер Аюбов узнавал, сколько у Гусева сделано «подъемов», то есть сколько за смену поднято и установлено панелей. И если его звено в этот день отставало, на следующий оно непременно стремилось достичь гусевского рубежа, а то и превзойти его.

Зима в тот год была по-настоящему «бамовская»: днем термометр показывал — 40, ночью — все 50. А при такой температуре очень сложно варить металл. Сварщикам пришлось осваиваться, приспособливаться. На какой-то момент монтаж панелей задержался. Правда, этажи росли по-прежнему быстро, но управится ли бригада с домом к заветному сроку? Жители Тынды ежедневно считали, сколько прибавилось панелей, прикидывали, как подросли дома, производили в уме нехитрые расчеты и убежденно говорили: нет, к сроку не управятся.

Вскоре, однако, сварщики освоились с работой на сильных морозах. Других причин для задержки не было. Москва поставляла в Тынду конструкции домов бесперебойно, из вагонов их грузили прямо на панелевозы и везли на строительные площадки. Был разработан четкий почасовой график завоза и монтажа конструкций. Работа велась как на лучших стройках Москвы.

К открытию съезда оба дома смонтировали. Произошло прямо-таки чудо, в которое никто не верил, кроме самих москвичей. Поверил в него и не москвич, но уже ставший равноправным членом коллектива московских строителей Мусаиб Аюбов. Тогда поверил, когда звено его начало работать наравне со звеном Анатолия Гусева. Правда, на финише Гусев обошел Аюбова на 32 часа, то есть чуть больше, чем на сутки. Но это было уже на финише...

В самом конце 1976 года начальник управления Главмосстроя на БАМе Юрий Григорьевич Коростышевский вызвал к себе Гусева и Аюбова. То, что пригласил бригадира, понятно, но зачем понадобился звеньевой? При чем именно Аюбов?

— Садитесь, ребята, дело есть, — сказал Коростышевский, указывая на стулья. Перед ним на столе лежа-

ли чертежи, толстая папка со сметами. — Вижу, что настроение у вас хорошее. Иначе и быть не может — дома построили, можно ходить гоголем. У всех настроенье сейчас отличное — из Москвы телеграмму прислали, поздравляют с хорошим зачином. Но теперь вот такая задача перед нами...

Он перебрал чертежи, нашел нужный, продолжал: — Начало городу положено, только одновременно с жильем надо строить школы и детские сады. Одно от другого неотделимо. И если дома сдаем досрочно, то так же досрочно должны вводиться и детские учреждения. Вот, — он указал на чертеж, — первую школу на тысячу мест надо закладывать в ближайшее время, сразу после Нового года, и сдать к первому сентября. Но... обходиться пока придется теми силами, которые у нас есть. Поэтому решено разделить вашу бригаду на две. Ты, Анатолий, по-прежнему будешь дома строить, Аюбов — школу.

Мусаиб заерзал на стуле. Строить огромную школу — это же большая честь, доверие, признание... Это все равно, что дать человеку крылья, подарить джигиту горячего коня. И все же, сдержав чувства, Мусаиб сказал:

— Я ведь человек у вас как бы со стороны. Признают ли меня ребята бригадиром?

— Вот те раз! — удивился Коростышевский. — Какой же ты «человек со стороны»? Теперь ты — наш... Так, Анатолий?

— И думать нечего, — отозвался Гусев. — Работает он по-московски. И с работой, думаю, справится...

В тот же день состоялся «раздел» бригады. Сделали это по-армейски, чтобы никому не было обидно. Все 40 человек построились по росту в одну шеренгу, рассчитались на «первый-второй», вторые вышли на пять шагов вперед. Повернулись лицом друг к другу — и только тогда увидели, что получилось...

Мусаибу показалось, что люди достались ему послабее. И в хорошем ведь коллективе одни уступают другим — в профессиональном мастерстве, опыте, собранности, энергичности. Правда, достался Мусаибу лучший сварщик Роман Исламуратов, он сейчас был в отпуске... Однако дело было, видимо, в том, что распалась бригада — живой организм. Тут еще «гусевские», счастливые, что остались с испытанным бригадиром, подтрунили над «аюбовскими»: «Не повезло Роману, — услышал Мусаиб

голос кого-то из тех, кто остался в бригаде Гусева. — К слабакам попал. Вернется из отпуска — с кем работать будет?»

Больно кольнуло Мусаиба это слово — «слабаки». Он вспыхнул, резко повернулся к «своим»:

— За мной, ребята! Мы еще посоревнуемся с ними...

По мнению Мусаиба, строить школы труднее, чем жилые дома. Дома в век стандартизации все одинаковые — освоился на одном, следующие проще монтировать. А школьные здания отличаются друг от друга. В Махачкале Аюбов осваивал один проект, здесь, в Тынде, — другой. Но, несмотря на это, дела у бригады с первых дней пошли неплохо.

Правда, кое-кто, почувствовав отсутствие твердой руки Гусева, решил, что теперь можно и передышку устроить. Зачем, дескать, доводить качество работ до совершенства — это ведь не Москва, здесь и так сойдет.

Аюбов это заметил быстро, собрал возле небрежно выложенного кирпичного простенка всю бригаду.

— Кто так строит — тот не строитель, — сказал гневно. — Я такого уважать не буду, руки не подам. Не могу уважать людей без совести. Для кого школу делаем? Для детишек!

Простенок тут же разобрали, выложили новый — в лучшем виде. Поняли: у Аюбова тоже поблажек не будет.

Возвести всего за восемь месяцев большой и сложный школьный комплекс — дело непростое. Но и это короткое время бригаде выделялось не полностью — надо ведь было еще поработать и сантехникам, и отделочникам. Значит, нельзя терять не только дня, но и ни одного часа. А для этого нужно загрузить людей работой, обеспечить материалами. Мусаиб добился, чтобы материалы на объект завозились с запасом, чтобы всегда были под рукой. Он заранее узнавал, какие детали и конструкции на базе управления производственно-технологической комплектации есть в избытке, какие — на исходе. Это позволяло планировать работу бригады на несколько дней вперед. Кое на каких элементах здания стали применять вместо кирпичной кладки сборный железобетон — получалось и скорее, и дешевле.

Что бригада Аюбова не теряет времени попусту, в управлении Главмосстроя видели все. Но как именно дорожит она каждой рабочей минутой, ярко показал один случай.

Как-то главный инженер управления Александр Петрович Рошин сказал Аюбову:

— Вот что, Мусаиб, придется тебе на два дня переключить бригаду на другую работу. Надо произвести благоустройство территории возле сдаточного дома. Через два дня его принимает комиссия.

— Но это же дом Гусева! — удивился Аюбов. — Почему его бригада благоустройством не занимается?

— Анатолий заканчивает второй дом, нам выгоднее, чтобы он от него не отрывался. Как ты знаешь, оба дома сдаем досрочно...

— Ну что ж, надо, так надо, — согласился Мусаиб. — Но чтоб обеспечили меня всем, что нужно. Через полчаса жду бетон.

— Так скоро он тебе не понадобится, — возразил Рошин. — Пока площадку разровняешь, опалубку установишь, уйдет не меньше двух часов.

— Сделаю все за полчаса.

— Ладно. Будет бетон... через час.

— Я сказал — через полчаса.

Бригада включилась в работу с ходу, без раскачки, и уже через тридцать минут и площадка была выровнена, и опалубка для бетонирования тротуаров установлена.

— Где бетон? — подступил Аюбов к главному инженеру.

— Ну и дела! — удивился тот. — Недооценил я тебя. Сейчас бетон будет.

Вот так же, экономя каждую минуту, работала бригада Мусаиба Аюбова и на своем объекте. Первого сентября 1977 года первая капитальная школа Тынды засветилась огнями...

Вот уже несколько лет Мусаиб работал на БАМе, и чем больше листков теряли календари, тем сильнее он прикипал душой к стройке, к этому суровому, но интересному краю. Ездил с семьей домой, в Дагестан, отец спрашивал:

— Не думаешь возвращаться?

— Нет, Кавказ и Дальний Восток — одна наша Родина. Буду работать там.

Впрочем, теперь Аюбовы могли с полным правом называть себя и дальневосточниками: две их дочери — Фатима и Инна — родились в Тынде.

Хотя «по штату» бригаде Аюбова было положено строить лишь детские учреждения, она как-то незаметно вскоре стала универсальной. Кроме жилых домов, школ и садиков в новых кварталах, надо было сооружать и многое другое — подчас незаметное, однако так необходимое для нормальной жизни людей.

Одним из таких «побочных» объектов стала котельная на двенадцать котлов.

Надо было прокладывать канализационные коллекторы, водопроводные сети, наружные теплотрассы — это тоже делали парни Аюбова. Они же под семь новых девятиэтажек фундаменты заложили. Это было не на виду у людей, в глаза никому не бросалось. Никто, пожалуй, и не интересовался, чья заслуга в том, что в квартирах стало теплее и горячая вода поступает бесперебойно. Но чтобы «обеспечить» такие мелочи, сколько труда пришлось затратить!

Однако главными объектами бригады были все же детсады и школы. Вслед за двумя школьными комплексами она построила еще школу-интернат. Это был тоже ударный объект. С размахом работ по всем направлениям трассы возникло множество линейных и вахтовых поселков. С вахтовыми было проще — в них на 10—15-дневную вахту выезжали рабочие, постоянно живущие в Тынде. В линейные же поселки строители перебирались, как правило, с семьями, для которых, естественно, требовались и школы. Но можно ли в каждом маленьком поселке построить десятилетку? Решили открыть в Тынде большую школу-интернат.

Руководители управления не стали особенно убеждать Мусаиба, что объект надо возвести досрочно, он и сам это понимал. Прикинул: чтобы дети получили школу к началу учебного года, надо сократить срок строительства на шесть месяцев.

— Сократим, — сказал убежденно. — Только помогите. С материалами чтоб задержек не было.

О задержках Мусаиб напомнил не вдруг. Их, вообще-то, практически не случалось: москвичи четко наладили работу 7453-километровой транспортной артерии Москва — Тында. Но бесперебойно и в полном объеме поступали стандартные, типовые детали жилых домов. С нестандартными, единичными заказами было сложнее. Правда, на школе-интернате срывов не произошло, а вот раньше, когда строили 140-местный детский комбинат, пришлось поволноваться.

Строила его бригада девять месяцев. Все складывалось неудачно — и опыта не хватало, и проект оказался недоработанным, а тут еще задержки с материалами. Правда, девять месяцев — это в пределах нормы. Но Мусаиб твердо решил, что такие нормы — не для Тынды. Учтя первый урок, следующий такой же комбинат бригада построила за четыре с половиной месяца. А третий, за который, как уже было вначале сказано, Мусаиба благодарили десятки людей, — возвели еще скорее...

Как-то Мусаиб в составе делегации московских строителей ездил в амурский колхоз «Приамурье». Посмотрел, как отлично и со вкусом застроили там центральную усадьбу.

— Хорошо строите, — сказал колхозникам. — А я бы не так сделал — лучше.

— Так в чем же дело? — засмеялся председатель колхоза А. Донга. — Переезжай к нам, для тебя и отдельный дом приготовлен. Будешь нашим главным архитектором и строителем.

— Эх, — вздохнул Мусаиб, — если б не БАМ, обязательно бы приехал.

Он не шутил, не рисовался. Просто Мусаиб полюбил эту суровую землю и хочет сделать для нее как можно больше. Всю — от Кавказа до Тихого океана. Но на этой земле ему суждено было выбрать лишь один уголок, и он его выбрал — Тынду. Для этого маленького уголка земли он уже сделал много, но еще больше работы у него впереди.

1981 год.

Глазами детей

Ирина КУЛИКОВА,
10-й класс, г. Тында

КИРПИЧИК К КИРПИЧИКУ

Как только не называют Байкало-Амурскую магистраль! И магистралью века, и дорогой в будущее, и комсомольской ударной, и... трассой юности. Пожалуй, две последние характеристики более всего соответствуют